

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА
ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ РОССІИ.

1845—1867 гг.

*Ивану Милаяго,
Теденову*

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. ПОПОВА.

В. Соммерш.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

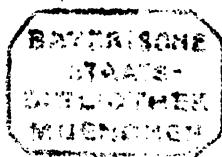
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

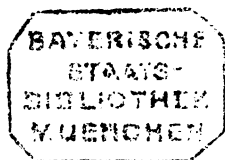
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

1868.

В. М. 5156

12

Перерывъ дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, нота канцлера, 7-го января 1867 г., нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ приложеніемъ къ ней подробной исторической записки о сношеніяхъ съ папою, аллокуція Пія IX-го, 29 октября 1866 года, обвинительная его записка противъ Россіи съ приложеніемъ сборника изъ ста документовъ, изданная въ Римѣ и разосланная по всѣмъ европейскимъ державамъ¹⁾,—это не простые памятники дипломатической переписки, но важныя историческія происшествія, возбуждившія всеобщее у насъ вниманіе.

Неясныя извѣстія о нашихъ дипломатическихъ несогласіяхъ съ Римомъ, о непріятномъ столкновеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ самимъ папою, доходившія до насъ большею частію изъ иностранныхъ газетъ, которымъ мы привыкли такъ мало вѣрить, когда онѣ заводятъ рѣчь о Россіи,—переходили во всѣ слои общества и возбуждали пытливое и зоркое вниманіе. Указъ, 25 ноября 1866 года, объ уничтоженіи силы конкордата, заключеннаго нашимъ правительствомъ съ римскимъ дворомъ, въ 1847 г., убѣдилъ всѣхъ, что разрывъ между Россіею, представительницею въ политическомъ отношеніи вселенскаго православія, и Римомъ, принадлежитъ къ числу совершившихся явленій,—и успокоилъ напряженное вниманіе. Совершилось важное историческое событіе: двусмысленныя отношенія прерваны, и прерваны не по нашей винѣ; самъ Римъ пособилъ намъ высказаться передъ всѣми въ истинномъ смыслѣ, согласномъ съ тысячелѣтними преданіями нашей исторіи, сохранившими живую свѣжесть и въ настоящемъ. Наши отношенія къ Риму не были для русскаго

¹⁾ Esposizione documentata sulle costanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei dominii di Russia e Polonia. Roma 1866. Записка на 55 стр., и 100 докум. на 313 стр.

народа дѣломъ чуждымъ и неизвѣстнымъ, случайнымъ явленіемъ, въ которомъ должна была принять участіе наша дипломатія, только увлеченная общимъ ходомъ жизни европейскихъ государствъ; напротивъ, это его собственное, кровное дѣло. Русскій народъ, съ первыхъ дней своего историческаго существованія, защищалъ свою народную и государственную самостоятельность и вселенскую церковь отъ двухъ враговъ: съ одной стороны, отъ азіатскаго варварства и магометанства, грозившаго нѣкогда порабощеніемъ всей Европѣ, съ другой—отъ латинскаго запада. Въ этой послѣдней борьбѣ зачинщикомъ и руководителемъ былъ постоянно — Римъ. Такое значеніе вопроса естественно возбуждало любопытство, узнать подробно ближайшіе поводы и обстоятельства, побудившія къ прекращенію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ. Но указъ объ отмѣнѣ конкордата появился — «безъ изложенія причинъ и соображеній, побудившихъ русское правительство принять эту мѣру, сказано въ нотѣ 7-го января. Умалчивая объ этихъ причинахъ и соображеніяхъ, императорское правительство руководилось желаніемъ оказать вниманіе папскому правительству; но это послѣднее не отвѣтило ему тѣмъ-же.» Сдѣлавъ дѣло, оно предоставляло исторіи произнести надъ нимъ свой приговоръ; но папское правительство, въ запискѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., говорило: «Святѣйшій отецъ надѣется, что императоръ не поставитъ его въ необходимость заявить предъ цѣлымъ свѣтомъ о рядѣ угнетеній, какія претерпѣваетъ католическая церковь въ російской имперіи и царствѣ польскомъ». На эту странную угрозу, нашимъ правительствомъ былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: «Нашъ августѣйшій монархъ не питаетъ въ душѣ ни малѣйшаго желанія воздвигнуть гоненіе на католическую церковь. Мы совершенно спокойно будемъ ожидать исполненія угрозы, которая высказывается въ заявленіяхъ кардинала Антонелли». Въ объясненіе этихъ словъ нашъ канцлеръ заявилъ — «что императорскій кабинетъ имѣлъ весьма достаточное основаніе не страшиться суда общественнаго мнѣнія, и что, отмѣнивъ конкордаты, послѣ того, какъ были истощены всѣ усилія, направленные къ тому, чтобы устроить примиреніе, онъ принялъ послѣдствія положенія, созданнаго римскимъ дворомъ, который и несетъ на себѣ отвѣтственность за него.»

Римъ привелъ въ исполненіе свою угрозу, обнародовавъ обширное изложеніе, отъ 15 ноября 1866 г., тѣхъ мнимыхъ гоненій, которыя будто бы претерпѣваетъ латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи и царства польскаго, съ приложеніемъ подлинныхъ актовъ дипломатической переписки съ нашимъ дворомъ. Не въ первый разъ такъ поступаетъ папское правительство.

Послѣ присоединенія униатовъ къ православной церкви, папа Григорій XVI, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22-го, говорилъ: «Особенно огорчила насъ клевета, разсѣваемая врагами церкви, что мы, несмотря на свои священныя обязанности, не заботимся о католической церкви въ предѣлахъ русскаго государства.» Чтобы отклонить это нареканіе, — говоритъ далѣе папа — «мы приказали составить подробное изложеніе нашихъ стараній въ пользу католической церкви, и обнародовать, чтобы все христіанство знало, что мы пребывали вѣрными своему призванію». Дѣйствительно, вмѣстѣ съ этою аллокуціею, была обнародована подробная записка, составленная въ папской государственной канцеляріи, съ приложеніемъ 90 подлинныхъ документовъ дипломатической переписки съ нашимъ правительствомъ ¹⁾. Эта записка осталась безъ отвѣта со стороны нашего правительства. Вѣроятно, римскій дворъ рассчитывалъ, что ту же судьбу испытаютъ и вновь обнародованные имъ документы; но онъ ошибся въ расчетѣ, и подробная записка князя Горчакова, приложенная къ нотѣ 7-го января, представила въ настоящемъ видѣ весь рядъ переговоровъ нашихъ съ Римомъ. Обнародованные такимъ образомъ документы дадутъ намъ возможность обозрѣть наши отношенія къ Риму за послѣднія слишкомъ двадцать лѣтъ.

Но прежде, нежели обратимся къ подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія, не можемъ не обратить вниманія на различіе двухъ параллельныхъ между собою документовъ, получающихъ важное историческое значеніе: *изложенія* папскаго статсъ-секретаря и *записки* нашего канцлера. Спокойно ожидало наше правительство исполненія папской угрозы, заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ о нашихъ отношеніяхъ къ латинской церкви и римскому двору. Съ тѣмъ-же спокойствіемъ и достоинствомъ оно отвѣчало на папскія обвиненія. Приложенная къ нотѣ, 7-го января, записка рѣзко отличается по внѣшнему виду отъ записки, обнародованной римскимъ дворомъ, въ которой обычныя Риму набожныя выраженія худо скрываютъ желчь и полное раздраженіе. Конечно, сознаніе недостижимости цѣлей, къ которымъ стремилось папское правительство въ продолженіе столькихъ лѣтъ, можетъ привести въ раздраженное состояніе; но неправильное изложеніе всѣмъ извѣстныхъ происшествій, умышленное искаженіе мнѣній и дѣйствій, оправданы быть не могутъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ:

¹⁾ Галь-Морелль, Allocution Sr. Heilig. Gregor XVI, gehalten 22 Jul. 1842 r., mit einer durch Documente belegten Darstellung der Sorge S. Heil. zur Abwendung der Verdrängnisse der kathal. Religion in Russland u. Polen. Einsiedeln, 1842.

«Въ собранной въ Римѣ, 29 октября 1866 г., тайной конси-
сторіи Пій IX заявилъ: ни представленія наши, сдѣланныя рус-
скому правительству чрезъ кардинала статсъ-секретаря, ни письма
наши къ императору не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.
Письмо наше отъ 23 апрѣля 1863 г. осталось безъ отвѣта».

«Какъ это намъ ни прискорбно, говорить нашъ канцлеръ,
но мы должны замѣтить, что приведенное заявленіе совершенно
невѣрно. Императоръ получилъ письмо, о которомъ идетъ рѣчь,
29-го апрѣля 1863 года. Мая 11-го, онъ отвѣчалъ на него съ осо-
бымъ вурьеромъ. Отвѣтъ былъ переданъ въ руки кардинала
Антонелли, 20-го мая (1-го іюня) 1863 г.» До какого грустнаго
положенія должно было достигнуть папское правительство, чтобы
рѣшиться на подобный поступокъ, — явно и торжественно отри-
цать историческій фактъ, котораго вѣрность такъ легко было
возстановить ¹⁾.

Конечно, Римъ въ послѣдніе годы, съ самаго начала цар-
ствованія нынѣшняго императора, преслѣдовалъ такіа цѣли въ
отношеніи къ Россіи и употреблялъ такіа средства, что не могъ
обнаружить ихъ и признаться передъ всѣми, не уронивъ окон-
чательно, какъ политическаго, такъ и религіознаго достоинства
своего правительства; но во всякомъ случаѣ, вызывая Россію
на судъ общественнаго мнѣнія, нельзя было скрывать самаго
существеннаго вопроса, на которомъ сосредоточивались всѣ пе-
реговоры. Такимъ вопросомъ было учрежденіе постоянного пап-
скаго нунція при нашемъ дворѣ, къ чему папское правитель-
ство постоянно стремилось съ самаго начала дипломатическихъ
съ нимъ сношеній русскаго двора, со временъ императрицы Ека-
терины Великой. Между тѣмъ — «нельзя не обратить вниманія,
что римскій дворъ, въ обнародованномъ имъ сборникѣ, тща-
тельно избѣгалъ всякаго намека, какъ на документы такой важ-
ности, такъ и на самые переговоры объ этомъ вопросѣ» — ска-
зано въ запискѣ къ нотѣ 7-го января.

Скрывая свои дѣйствительныя цѣли и стремленія, противъ
которыхъ, безъ сомнѣнія, возстало бы общественное мнѣніе всей
современной Европы, римскій дворъ привыкъ дѣйствовать тайно,
подспудными путями и пользоваться всякими средствами, обладая
такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ духовенство и особенно мона-
шескіе ордена. Латинское духовенство, поощряемое Римомъ, про-
никая повсюду, въ жизнь семейную и общественную, тайно под-
готавливаетъ происшествія. Стремясь къ политическимъ цѣлямъ
обладанія и обогащенія, Римъ говоритъ обыкновенно о благѣ

¹⁾ Записка къ нотѣ 7-го января, *Esposizione documentata* N. C. стр. 303.

церкви, ея независимости и свободѣ; возбуждая дѣйствія, гибельныя по своимъ послѣдствіямъ, онъ отрицается потомъ отъ этихъ роковыхъ послѣдствій и сваливаетъ вину на другихъ. Такова постоянная политика римскаго двора въ отношеніи къ свѣтской власти государствъ, и съ ея подвигами мы еще встрѣтимся не разъ при изложеніи отношеній папскаго правительства къ Россіи.

Мы не войдемъ, конечно, въ разсмотрѣніе вообще всей исторіи отношеній папства къ востоку и Россіи; но, ограничиваясь послѣднею эпохою, въ которой, впрочемъ, выразился общій характеръ этой вѣковой борьбы, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ римскому двору послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви въ 1839 году.

I.

Значеніе уніатской церкви. — Присоединеніе уніатовъ къ православію въ 1839 г. — Послѣдовавшіе затѣмъ переговоры съ Римомъ. — Аллокуція Григорія XVI, 1842 г. іюня 22, и обнародованная имъ обвинительная записка противъ Россіи, съ сборникомъ дипломатическихъ документовъ.

Уніатская церковь въ глазахъ Рима не представляла самостоятельнаго историческаго явленія и не имѣла права на постоянное существованіе. Хотя папа Климентъ VIII, утвердивъ унію въ 1595 г., призналъ всѣ обряды, священнодѣйствія и совершеніе таинствъ по правиламъ восточной вселенской церкви ¹⁾, однако же римскій дворъ никогда не исполнялъ этого постановленія. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, какъ на первый шагъ къ полному присоединенію уніатовъ къ латинской церкви. Пропаганда въ отношеніи къ уніатамъ не только не окончилась и не ослабла, — напротивъ, усилилась. Соединеніе съ латинскою церковью только давало ей большія удобства постоянно обращать въ латинство отдѣльныя лица и, болѣе и болѣе замѣняя обряды и священнодѣйствія восточнаго православія латинскими, готовить совершенное уничтоженіе уніатской церкви. Таковы были начала, которыми Римъ сознательно руководствовался въ этомъ случаѣ. Папа Николай V прямо называлъ *позорнымъ* присоединеніе католиковъ къ уніа-

¹⁾ Булла декаб. 25, Magnus dominus et laudabilis: —...ad maiorem charitatis nostrae erga ipsos significationem omnes sacros ritus et caeremonias, quibus Rutheni episcopi et clerus, juxta S. Patrum Graecorum instituta, in divinis officiis et sacrosanctae missae sacrificio ceterorumque sacramentorum administratione, aliisve sacris functionibus utantur, dummodo veritati et doctrinae fidei catholicae adveserentur et communionem cum Romana ecclesia non excludant, ex apostolica benignitate permittimus, concedimus et indulgemus.

тамъ ¹⁾. Римъ запрещалъ подобные переходы и напротивъ поощрялъ переходы уніатовъ въ латинство. Папа Бенедиктъ XIV объяснялъ это тѣмъ, что римская церковь есть *мать* и *учительница* другихъ церквей ²⁾. Постановленія Замосцкаго соборанія уніатскихъ епископовъ, исполнѣ преданныхъ Риму, въ 1720 г., утвержденныя папою, нанесли почти окончательный ударъ самостоятельному существованію уніатской церкви. Внѣшнее устройство храмовъ и большая часть обрядовъ были искажены по образцу римскихъ, измѣнены многія догматическія ученія и правила. Монашествующее духовенство почти совершенно обратилось въ латинское, образовало одинъ изъ его орденовъ (Базиліанскій) и вытѣсняло, болѣе и болѣе, бѣлое духовенство, связанное съ народомъ, потому что оно сохраняло обычай брачнаго состоянія. Получая силу отъ народа, еще хранившаго память о вѣрѣ предковъ и племенномъ единствѣ съ русскимъ народомъ, оно не сочувствовало ни римской, ни польской пропагандѣ, которыя дружно сливались въ одно неразрывное цѣлое въ чувствѣ исконной и закоренѣлой ненависти къ Россіи. Высшая уніатская іерархія колебалась между двумя противоположными направленіями.

При такомъ положеніи дѣлъ, раздираемые внутреннею борьбою, уніаты дѣйствительно не могли существовать болѣе въ видѣ самостоятельной церкви: они должны были или присоединиться къ римской, или къ восточной церкви. Къ соединенію съ первой влекли ее Римъ, нѣсколько членовъ высшаго и низшаго духовенства, почти все монашество, и бывшіе прежде уніатами, но потомъ обратившіеся въ латинство и ополячившіеся помѣщики. Къ присоединенію ко второй влекли сочувствія миллионовъ народа, большая часть бѣлаго духовенства и нѣкоторые изъ представителей іерархіи, не утратившіе памяти о древней церкви и своей связи съ народомъ и государствомъ ³⁾.

¹⁾ Bullarium. III const. 3, p. 64. Pervenit ad aures nostras, quod in locis, quae catholicis in Graecia subjecta sunt, multi catholici unionis praetexta ad graecos *impudenter* transeunt ritus. Mirati admodum sumus, mirareque non desistimus, и пр.

²⁾ Bullar. Benedicti XIV. Const. Allatae sant... Cum latinus ritus is sit, quo utitur sancta Romana ecclesia, quae mater est et magistra aliarum ecclesiarum, reliquis ritibus omnibus anteferrī debet. Ex quo sequitur, haud licere a latino ritu ad graecum transire nec illis qui semel a ritu graeco ad latinum transierunt, integrum esse, ad pristinum graecum ritum reverti. Сравни. Пихлера: Geschichte d. kirchlichen Trennung, т. II, стр. 265 и др. Мюнхенъ, 1865 г.

³⁾ Нѣкоторые паписты, какъ австрійскій писатель Joseph Alexander Freiherr von Helfert, оправдывая Римъ, все-таки признаетъ вину, но сваливаетъ ее на однихъ поляковъ: «Стремленіе латинизировать уніатовъ, говоритъ онъ, произошло единственно отъ поляковъ, которые, увлекаясь пропагандою своей національности до ослѣпленія, не по-

Кажется, не может быть и вопроса о томъ, должно ли было русское правительство внять просьбамъ о защитѣ большей части уніатской паствы и многихъ изъ ея пастырей,—отъ преслѣдованій и угнетеній Рима, избравшаго своимъ орудіемъ польскую народность? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ всѣ мѣры, принятыя нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатской церкви, во все царствованіе покойнаго императора.

Признавая *терпимость* вѣроисповѣданій за одно изъ коренныхъ началъ внутренней политики въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, правительство не могло и не должно было принести въ жертву латинскому прозелитизму церковь, считавшую миллионы исповѣдниковъ, бывшихъ нѣкогда православными и которые соединились съ Римомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы сохранить большую часть особенностей своего вѣроисповѣданія. Право религіозной терпимости, допускаемое государствомъ, налагаетъ на него въ то же время обязанность устранить враждебныя дѣйствія одного исповѣданія противъ другого ¹⁾. Эта обязанность въ отношеніи къ уніатамъ представлялась особенно важною: они принадлежали къ русской народности, и постоянное ихъ обращеніе въ латинство соединялось вмѣстѣ съ ихъ *ополченіемъ*. Наше правительство не исполнило бы своего назначенія, еслибъ допустило принести такую жертву въ пользу враждебныхъ Россіи началъ. Всѣ предпринятые имъ мѣры были оборонительнаго свойства: съ одной стороны, противъ латинской пропаганды, стремившейся совершенно уничтожить самостоятельность уніатской церкви, соединивъ ее въ одно цѣлое съ римской,—съ другой, чтобы оградить себя отъ враждебныхъ замысловъ польскихъ мятежниковъ, въ которыхъ латинское духовенство принимало такое ревностное

нимали, что чрезъ это они отдалять отъ себя русскихъ, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніи. Къ собственной своей бѣдѣ, полонизмъ одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду и привлекъ въ свое гнѣздо, для служенія своимъ цѣлямъ, могущественный базилианскій орденъ. Подъ покровительствомъ латинской іерархіи базилианамъ удалось совершенно освободиться отъ подчиненія уніатскимъ митрополитамъ и епископамъ, забрать въ свои руки всѣ вліятельныя и доходныя мѣста въ епархіяхъ, завладѣть имуществами приходовъ, и бѣлое духовенство, о просвѣщеніи котораго не прилагали заботъ, совершенно удалить отъ церковнаго управленія и высшихъ должностей. Затѣмъ поляки, легкомысленно смѣшивая латинское исповѣданіе съ греческимъ, допустили пріемъ въ уніатскіе монастыри поляковъ латинскаго исповѣданія, и имъ, какъ дворянамъ, давали высшія духовныя должности, когда они не знали ни богослужебнаго языка, ни правилъ монастырскихъ и старались только вводить латинскіе обряды». Oestreichische Revue. 1864. 6-й томъ стр. 24 и 25: Russland u. die cathol. Kirche in Polen.

¹⁾ Montesquieu, Esprit des lois. Liv. XXV, chap. IX и X.

участіе. Устранить его отъ такого участія требовала безопасность государства.

Для достиженія послѣдней цѣли наше правительство прежде всего обратилось къ римскому двору. Когда въ 1832 г. нашъ посланникъ кн. Гагаринъ, въ нотѣ 20 апрѣля, представилъ кардиналу Бернетти, что послѣ усмиренія польскаго возстанія, для окончательнаго успокоенія революціонныхъ волненій въ Польшѣ, необходимо содѣйствіе духовенства, римскій дворъ обратилъ вниманіе на важность этого вопроса. «Но, къ несчастію — сказано въ этой нотѣ — латинское духовенство не такъ дѣйствовало до настоящаго времени; духовные, всѣхъ разрядовъ, забывая святость своего призванія, вмѣшивались во всѣ кровавыя дѣйствія и постоянно находились во главѣ всѣхъ революціонныхъ движеній и участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отеческое сердце папы, конечно, должно скорбѣть въ виду подобныхъ поступковъ духовенства, и поэтому онъ долженъ употребить свою духовную власть и поручить польскому духовенству покаяться въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и внушить ему рѣшительно, что оно должно исправиться строгимъ исполненіемъ законовъ и искреннимъ содѣйствіемъ всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ поддержанію законнаго порядка». Дѣйствительно, папа въ окружномъ посланіи, 1832 г. іюня 9, къ латинскимъ епископамъ въ имперіи и царствѣ, осуждалъ польское возстаніе и внушалъ повиновеніе власти русскаго императора. Но это направленіе въ политикѣ римскаго двора продолжалось не долго.

Что касается до мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатамъ, то лишь только они были освобождены отъ вліянія на назначеніе священниковъ (право патроната) польскими и латинскими по исповѣданію помѣщиками, приходскія священническія мѣста, перешедшія къ монахамъ, возвращены бѣлому духовенству, храмы и церковныя обряды избавлены отъ латинскихъ искаженій, число монастырей сокращено и учреждено отдѣльное управленіе уніатскою церковію, — такъ совершилось присоединеніе уніатовъ къ православной восточной церкви въ 1839 году.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи сильно поразило Римъ; долго онъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что духовныя завоеванія, посредствомъ внѣшняго насилія, не могутъ быть долговѣчны. Но, понявъ наконецъ, что они могли поддерживаться только этою внѣшнею силою, онъ принялъ ее подъ свою защиту и перемѣнилъ политику въ отношеніи къ Россіи. Хотя въ аллокуціи произнесенной въ тайной консисторіи, 22 ноября 1839 г., Григорій XVI *отлакивалъ отторженіе* уніатовъ отъ римской церкви, поно-

силъ присоединившихся къ православію епископовъ и духовенство, и, обращаясь къ великодушію русскаго императора, выражалъ надежду подвигнуть его исполнить требованія Рима; однако, въ то же время въ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ, вопреки самимъ же имъ провозглашеннымъ началамъ, онъ началъ покровительствовать духовнымъ лицамъ, обличеннымъ въ участіи въ мятежѣ и въ дѣйствіяхъ явно враждебныхъ русскому правительству.

Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ епископъ Подляскій. Несмотря на неоднократныя и постоянныя представленія русскаго правительства о необходимости его удалить, римскій дворъ нѣсколько лѣтъ тянулъ дѣло, постоянно защищалъ дѣйствія этого епископа и рѣшился только тогда на его увольненіе, когда правительство уже было вынуждено, собственною властію, удалить его изъ епархіи ¹⁾. Между тѣмъ, этотъ прелатъ прямо объявлялъ, что не хочетъ исполнять законоположеній о духовенствѣ, постоянно дѣйствовавшихъ въ царствѣ польскомъ (декрета 1817 года (6) 18 марта), тайно сносился съ польскими эмигрантами, съ папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ, сообщалъ ложныя извѣстія въ иностранныя газеты, не исполнялъ никакихъ представленій правительства, въ официальныхъ бумагахъ называя ихъ незаконными дѣйствіями противъ «привилегій, уставовъ и независимости латинской церкви, которой, одной между всѣми церквами Спаситель міра далъ привилегію полновластнаго владычества на землѣ», и выражалъ надежду, что Богъ скоро положитъ конецъ русскому правительству въ Польшѣ (*et his quoque dabit Deus finem*) ²⁾.

Русское правительство, сообщая римскому двору объ удаленіи епископа Гутковского, въ нотѣ 17 мая 1840 г. говорило:

¹⁾ Эта переписка началась съ 1837 г. и окончилась въ 1841. Галль-Морелль, *Allocution S. Neil. Gregor XVI*, 22 іюля 1842. Докум. №№ LV, LVII, LVIII, LIX, LXII, LXV, LXVII.

²⁾ Тейнеръ: *Die neue Zustände der cathol. Kirche in Polen u. Russland*. Докум. №№ CXIV и CXV.—Галль-Морелль: № LVIII, нота русск. 17 мая 1840 г. «L'évêque ne se borna point à refuser dans les termes de la plus amère ironie les renseignements demandés, mais saisit encore cette occasion pour déverser sans le moindre déguisement la haine dont il est animé contre le gouvernement et poussa l'audace de ses imprécations jusqu'à énoncer clairement l'espoir consolateur qu' il nourrissait, que Dieu mettrait fin à ce gouvernement». Любопытенъ отвѣтъ на это римскаго двора, нота 1 іюня 1840, № LIX: M-r Gutkovsky non a inteso di parlare di Sua Maesta imperiale e reale, ne del governo superiore del regno di Polonia, ma unicamente del governo inferiore, ossia di quella auctorita civile che e perfino soggetta agli ordini della commissione amministrativa. Это тотъ епископъ Гутковский, котораго ксендзъ Фелинскій, въ тайныхъ своихъ бесѣдахъ съ учениками Петербургской католической академіи въ 1858 г., выставялъ, какъ мученика правды и образецъ для подражанія молодымъ людямъ, готовившимся быть ксендзами. См. «Друж. совѣты кс. Фелипскаго», изъ Вилен. Вѣстника 1866 г. вечеръ 4-й.

«Если, по мнѣнію главы римской церкви, епископъ Подляскій не достоинъ за указанные поступки лишенію епископскаго достоинства, то это вопросъ относится къ церковной дисциплинѣ, и папѣ принадлежитъ его разрѣшеніе, въ которое императоръ не желаетъ вмѣшиваться. Но предъ его величествомъ епископъ Гутковскій, какъ подданный и должностное лицо (*sujet et fonctionnaire public*) оказался виновнымъ въ явномъ неповиновеніи предписаніямъ правительства, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ вѣры. Поэтому, не какъ епископа, но какъ подданнаго и лице должностное, императоръ считалъ себя вправѣ предать его суду, лишить его своей довѣренности и препятствовать, находившимся въ его распоряженіи способами,—преслѣдовать ему свои преступные замыслы и распространять свое вліяніе, которымъ онъ такъ нагло злоупотреблялъ, открыто дѣйствуя, какъ врагъ правительства и поощряя согражданъ къ сопротивленію и презрѣнію власти, во имя религіи». Въ отвѣтъ на это, кардиналъ Ламбрускини сообщилъ рѣзкую ноту, 1 іюня 1840 г., въ которой римскій дворъ оправдывалъ всѣ дѣйствія епископа, объясняя ихъ необходимою защитою церкви противъ распоряженій правительства, будто бы нарушающихъ ея права. «Жалобы католиковъ, подданныхъ его императорскаго величества—сказано въ этой нотѣ—доходятъ со всѣхъ сторонъ до святаго отца, несмотря на то, что ихъ сношенія съ главою ихъ церкви стѣснены и могутъ производиться не иначе, какъ чрезъ императорское правительство. Многія и многія императорскія постановленія въ послѣднее время тяжелымъ гнетомъ легли на католическую церковь». Въ числѣ этихъ распоряженій римскій дворъ указывалъ на отобраніе у уніатовъ Почаевской лавры, уничтоженіе училищъ при монастыряхъ, о смѣшанныхъ бракахъ, распредѣленіи приходовъ по числу паствы, на основаніи постановленія императрицы Екатерины II (*che per ogni 400 abitanti vi fosse una chiesa e un prete*), и наконецъ, объ учрежденіи православныхъ епископскихъ кафедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ. При дальнѣйшихъ изложеніяхъ отношеній Рима къ нашему правительству, мы еще будемъ имѣть случай говорить о всѣхъ притязаніяхъ Рима, теперь же обратимъ вниманіе только на слѣдующія.

Угнетеніемъ свободы латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ римскій дворъ считалъ учрежденіе православныхъ епископскихъ кафедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ! По его воззрѣнію, православное правительство не могло учреждать ихъ въ своей же собственной государственной области, въ городахъ, гдѣ находятся русскія правительственныя средоточія и многочи-

сленная православная паства. Между тѣмъ, какъ папа всю вселенную считаетъ своею областію и во всѣ концы міра можетъ безпрепятственно назначать епископовъ, даже безъ всякой нужды, по отсутствію паствы (*episc. in partibus*). Таковъ дѣйствительно взглядъ Рима, въ связи съ которымъ находится, выраженная въ нотѣ кардинала Ламбрускини, слѣдующая мысль: «Удаленіе Подляскаго епископа поставило св. отца въ двусмысленное положеніе, или своимъ молчаніемъ подать поводъ предполагать, что онъ его осуждаетъ за нарушеніе вѣрности и повиновенія своему законному государю, въ дѣлахъ гражданскихъ; тогда какъ онъ въ сущности ничего не сдѣлалъ, вромѣ ревностнаго исполненія своихъ церковныхъ обязанностей, — или причинить непріятность могущественному русскому императору. Епископъ есть сановникъ церкви (*un dignitario della chiesa*), а не должностное лицо (*publico funzionario*), который можетъ быть смѣненъ и отрѣшенъ отъ должности по волѣ государя и удаленъ изъ своей епископіи». Если въ этимъ словамъ прибавить, что бѣлое духовенство по каноническимъ правиламъ должно находиться въ полномъ повиновеніи епископамъ, монашествующіе ордена ихъ генераламъ, пребывающимъ въ Римѣ, а паства покориться своимъ пастырямъ; то окажется, что латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи составляетъ особое государство, подчиненное исключительно папѣ, и въ дѣла котораго всякая другая власть можетъ вмѣшиваться развѣ только въ той степени, въ какой папа ей позволить.

Естественно, что при такомъ взглядѣ римскій дворъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы достигнуть права непосредственнаго сношенія съ своими подданными, и смотрѣлъ на всякое ограниченіе въ этомъ случаѣ, какъ на преслѣдованіе латинской церкви. Дѣйствительно, онъ заявлялъ объ этомъ при каждомъ случаѣ, и неразборчивый на средства, въ виду неудачи своихъ заявленій, сносился тайными и незаконными путями, какъ то доказала открытая при слѣдствіи переписка подляскаго епископа съ вѣнскимъ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Альтьери, который, отъ имени папы, поощрялъ его дѣйствія противъ русскаго правительства. На замѣчаніе нашего уполномоченнаго въ дѣлахъ, въ нотѣ 17-го мая 1840 г., что подобныя тайныя дѣйствія несогласны съ открытыми заявленіями папы, приглашавшими епископовъ повиноваться законной власти, римскій дворъ отвѣчалъ, что сношенія Гутковскаго съ вѣнскимъ нунціемъ, хотя и производились *безъ прямого порученія* святого престола, но онъ находитъ ихъ весьма естественными. «Нѣтъ ничего удивительнаго, говорилось въ римской нотѣ 1-го іюня

1840 г., что вѣнскій нунцій, имѣвшій подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ епископа, писалъ въ нему въ томъ же смыслѣ, какъ и самъ папа», т. е. оправдывая его противоборство русскому правительству ¹⁾. Хотя Григорій XVI и поддерживалъ своего нунція, однако же онъ считалъ еще неприличнымъ объявить о своихъ тайныхъ и противозаконныхъ сношеніяхъ съ епископами, и оговаривался, что вѣнскій нунцій сносился съ подляскимъ епископомъ *безъ его уполномочія*; но Пій IX не счелъ нужнымъ скрывать въ этомъ случаѣ, давно впрочемъ знакомые всей Европѣ, приемы римскаго двора въ международныхъ сношеніяхъ, — онъ обнародовалъ именно такія сношенія съ митрополитомъ Головинскимъ и другими латинскими епископами ²⁾.

Рядомъ съ переговорами о епископѣ Гутковскомъ, также долго затягивались Римомъ и переговоры объ епископѣ Павловскомъ, котораго наше правительство представляло въ качествѣ кандидата на могилевское архіепископство. Римскій дворъ только черезъ нѣсколько лѣтъ уступилъ самымъ рѣшительнымъ настояніямъ нашего правительства, и въ надеждѣ на то (какъ указано въ нотѣ кардинала Ламбрускини, 2-го октября 1840 г.) что русское правительство съ своей стороны сдѣлаетъ уступки въ отношеніи къ другимъ требованіямъ Рима ³⁾. Если римскій дворъ находилъ естественнымъ тайныя сношенія епископовъ съ своими дипломатическими агентами, вопреки кореннымъ законамъ имперіи; то нельзя не признать также весьма естественнымъ, что онъ всѣми способами затруднялъ исполненіе права императорской власти избирать кандидатовъ на епископскія кафедры. Явно признавая это право, тайно онъ считалъ, напротивъ, епископовъ исключительно подвластными Риму, и потому желалъ устранить въ этомъ всякое участіе свѣтской власти.

Хотя этотъ взглядъ Рима совершенно согласенъ со всѣми

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1839 г., вѣнскій нунцій писалъ епископу Гутковскому: «Мнѣ очень пріятно, хотя въ краткихъ словахъ, но отъ искренняго сердца, выразить достойную хвалу вашему преосвященству за ваше примѣрное постоянство. Извѣстно, что вы, почтенный пастырь, неоднократно подвергались преслѣдованіямъ, кознямъ и, несмотря на угрожавшія вамъ опасности, устояли противъ тѣхъ угнетеній, передъ которыми рабски преклонились нѣкоторые изъ братій. Поэтому еще въ большемъ блескѣ является ваше мужество и твердость: избравъ однажды путь приличный достоинству пастыря и, неуклонно идя по нему, вы устояли противъ угнетеній. Нѣтъ словъ для выраженія того, какъ ваши дѣйствія были пріятны и утѣшительны его святѣйшеству, который такъ огорченъ различными непріятностями».

²⁾ *Esposiz. document. NN. XV, XVIII, LV, и др.*

³⁾ Галль-Морель: NN. LXII — LXVIII. Для окончанія переговоровъ объ еписк. Гутковскомъ и Павловскомъ, потребовалось отправленіе въ Римъ особаго уполномоченнаго, ст. сов. Фурмана въ 1840 г.